

Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст

Теняков Иван Михайлович

МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, e-mail: itenyakov@mail.ru

Хубиев Кайсын Азретович

МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, e-mail: khubiev48@mail.ru

Эпштейн Давид Беркович

Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Институт аграрной экономики и развития сельских территорий, Россия

e-mail: epsteindb@gmail.com

Заздравных Алексей Витальевич

МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, e-mail: apkreforma@mail.ru

Цитирование: Теняков И.М., Хубиев К.А., Эпштейн Д.Б., Заздравных А.В. (2022). Альтернативы стагнации российской экономики: новый геополитэкономический контекст. *Terra Economicus* 20(2), 40–58. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58

В статье показывается, что новый геополитический контекст 2022 года обуславливает недопустимость продолжения долговременной стагнации российской экономики. Ее преодоление предполагает определение фундаментальных причин этой ситуации. Ими является система объективных социально-экономических отношений, сложившихся в постсоветской России. Исследование этих отношений обуславливает необходимость использования языка и категориального аппарата современной политико-экономической теории. Эта теория позволяет дать системную картину отношений олигархически-бюрократического капитализма полупериферийного типа, которые являются глубинной причиной стагнации экономики постсоветской России. Показаны исторические корни генезиса действующей экономической модели (эффект «неправильно застегнутой первой пуговицы»), а также такие последствия ее господства, как отставание от мировой экономики, структурная неэффективность, низкие социальные результаты. На этой основе представлена критика экономистов, позитивно оценивающих результаты реформ, начатых в 1990-е годы. В качестве альтернативы существующей модели предложена глубокая трансформация существующей государственной политики. Изменения включают переход к активной промышленной политике и селективному планированию, социализацию собственности, снижение социального неравенства, обеспечение не просто роста, а экосоциогуманитарных приоритетов в развитии страны.

Ключевые слова: российская экономика; стагнация; социально ориентированное развитие; рынок; планирование; собственность; политическая экономия

Благодарность: Авторы выражают признательность проф. А.В. Бузгалину за консультативную помощь в подготовке настоящей статьи, а также за ценные замечания по тексту.

Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: New alternatives

Ivan M. Tenyakov

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: itenyakov@mail.ru

Kaysyn A. Khubiev

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: khubiev48@mail.ru

David B. Epstein

St. Petersburg Federal Research Center RAS, Institute of Agricultural Economics and Rural Development, Russia
e-mail: epsteindb@gmail.com

Aleksey V. Zazdravnykh

Lomonosov Moscow State University, Russia, e-mail: apkreforma@mail.ru

Citation: Tenyakov I.M., Khubiev K.A., Epstein D.B., Zazdravnykh A.V. (2022). Stagnation in Russia in geopolitical and economic contexts: New alternatives. *Terra Economicus* 20(2), 40–58 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-40-58

The article shows that the new geopolitical context of 2022 makes the continuation of the Russian economy long-term stagnation unacceptable. The process of its overcoming involves identifying the fundamental causes of the situation that involve the system of socio-economic relations developed in post-Soviet Russia. The study of these relations causes the use of modern political and economic theory language and terminology. This theory supports a systematic picture of the relations of oligarchic-bureaucratic capitalism of a semi-peripheral type, which are the fundamental causes of the post-Soviet Russia economic stagnation. The historical roots of the current economic model genesis are shown, as well as such consequences of its domination as lagging behind the world economy, structural inefficiency, low social results. Economists who positively evaluate the results of reforms launched in 1990s are criticized. The profound transformations of the existing state policy are proposed as an alternative to the existing model. The proposed change includes the transition to an active industrial policy and selective planning, the socialization of property, the reduction of social inequality, ensuring eco-socio-humanitarian development priorities.

Keywords: Russian economy; stagnation; socially-oriented development; market; planning; property; political economy

JEL codes: P16, P17, B5, B51, B55

Актуальность, проблемное поле и методология исследования

Уже более трех десятилетий российская экономика эволюционирует со средними темпами роста ВВП, не превышающими 1% (о точных цифрах – ниже). Два мировых кризиса XXI века существенно ухудшили и без того тяжелое положение в области экономической динамики в нашей стране. Надежды на то, что начавшийся в 2021 году постпандемический восстановительный рост качественно изменит ситуацию, сталкиваются с глубокими изменениями в геополитэкономическом контексте¹. Россия оказалась практически изолированной от широкого спектра

¹ Трактовку понятия «геополитэкономия» см. подробнее (Desai, 2013).

международных связей в сферах производства, торговли, движения капитала, трансграничной миграции и др. Несмотря на попытки принятия срочных мер со стороны органов власти, глубокие изменения стратегического характера в системе экономических отношений и институтов пока не просматриваются.

Такое положение дел хорошо известно в научном и профессиональном сообществе, однако большая часть теоретико-экономических материалов о путях выхода из стагнации не предполагает политико-экономического анализа сложившейся ситуации. Между тем именно такой теоретический подход позволяет исследовать *противоречия в содержании* существующей экономической модели, а не только те или иные экономико-правовые формы. Без исследования этих глубинных – лежащих в сфере производственных отношений – оснований невозможна выработка альтернатив стагнации, ибо они подразумевают как минимум систему глубоких реформ, ориентированных на трансформацию содержания этой системы.

Все еще доминирующая в России неоклассическая экономическая теория не способствует поиску глубоких изменений. Не способствует этому и то, что должностным лицам, разрабатывающим и реализующим ключевые решения в области экономической политики, до недавнего времени была близка скорее монетаристская, нежели последовательно кейнсианская версия этой теории. Новые вызовы в области геополитики и идеологии создают необходимые и достаточные предпосылки для постановки вопроса об отказе от поддержания существующей модели отношений рынка, регулирования, собственности, распределения дохода и прочего или от формально-косметических изменений этой модели в качестве квазистратегии.

Принимая эти вызовы, авторы настоящей статьи предлагают политико-экономические ответы на вопросы:

- о природе сложившейся в РФ в последнее десятилетие социально-экономической системы: мы доказываем, что именно содержание отношений и институтов, господствующих в современной экономике, является главной причиной стагнации, а не отдельные решения в области экономической политики и внешние факторы;
- о возможной альтернативной модели.

Решение этой двуединой задачи в рамках одной статьи было бы невозможно без опоры на большой массив ранее опубликованных нами материалов, на анализ и обобщение многочисленных исследований проблемы нашими учителями, коллегами и учениками.

Разработка поставленной в настоящей статье совокупности проблем предполагает интегрированное использование багажа не только современной классической политической экономии, опирающейся на достижения в этой области XX–XXI веков, но и эволюционной экономической теории классического институционализма XXI века с использованием багажа кейнсианской версии макроэкономической теории. Предлагаемые авторами методология и теория развиваются как в России, так и за рубежом. Среди современных российских исследователей подобный интеграционный подход характерен для А.А. Пороховского, В.Т. Рязанова, С.Д. Бодрунова, М.И. Воейкова, В.М. Кулькова и ряда других ученых-экономистов².

Этот подход существенно отличен от доминировавшей в последние десятилетия в российском «мейнстриме» трактовки причин стагнации и путей оживления экономики на основе большей либерализации хозяйственной жизни³.

В свою очередь, их оппоненты, названные выше, предлагают активизацию иных средств, направленных на усиление общественного регулирования в экономике, социализацию собственности и др. Авторы данной статьи, развивая эту линию, идут дальше, обосновывая необходимость не просто коррекций экономической политики, но изменений господствующей в России в последние десятилетия модели капитализма.

Коренные изменения геополитэкономической ситуации, не меняя существо разногласий и предложений, формируют новый контекст этой дискуссии. Поэтому авторы настоящей статьи, посвятившие десятилетия своей научной деятельности обоснованию путей выхода России на

² См., например, Кульков, 2019; Рязанов, 2019; Бодрунов, 2017; Воейков, 2018; Пороховский, 2016.

³ См., например, Идрисов и др., 2017; Кудрин, Гурвич, 2014; Замараев и др., 2013; Ясин и др., 2013.

траекторию опережающего развития⁴, в данном тексте ставят своей целью обобщить результаты таких исследований, сделав определенные выводы относительно специфики содержания российской экономики, особенностей ее структуры и динамики, а также путей ее реформирования.

Российская экономическая система 1991–2021 гг.: олигархически-бюрократический капитализм полупериферийного типа

Использование заявленной в начале статьи методологии (в частности характерный для политической экономии акцент на системе производственных отношений) позволяет показать, что специфика российской экономической системы обусловлена господствующей в нашей стране на протяжении последних десятилетий системой социально-экономических отношений и институтов – олигархически-бюрократического капитализма полупериферийного типа⁵. Так, большинство товарных рынков в России контролируется (преимущественно неформально) крупными корпорациями (Олейник, 2001), часть из которых являются формально государственными, но действуют как рыночный монополист, реализующий частно-корпоративные, а не общенародные интересы. Параллельно рынки неформально контролируются бюрократическим аппаратом на основе отношений личной унии и внеэкономического давления на экономических акторов. Это неформальное регулирование осуществляется во многих случаях методами «ручного управления» (Бузгалин, Колганов, 2019).

Поскольку для российской экономики, как и для любой полупериферийной подсистемы позднего капитализма, характерно доминирование крупного корпоративного капитала, сращенного с государством (в том числе отношениями внеэкономической зависимости, которые можно обозначить как вассалитет), то формы собственности (как частной, так и частно-государственной) в данном случае вторичны и оказывают незначительное влияние на поведение корпоративного капитала. Частные корпорации, с одной стороны, внеэкономически подчинены государственной бюрократии, а с другой – широко используют государственные ресурсы (как бюджетные, так и внебюджетные) для расширения продаж и увеличения прибыли, которая в незначительной степени инвестируется в инновационные производственные проекты.

Государственная по форме собственность в российской экономике – это не столько общественная собственность, имеющая форму государственной, сколько корпоративный капитал, функционирующий в рамках неадекватной ему формы. Отрыв формы от содержания проявляется в том, что даже в случае принадлежности государству более 50% акций эти корпорации, государственные по форме, действуют преимущественно в интересах корпоративного капитала. Более того, даже в случае унитарных государственных предприятий бюрократические деформации делают эту собственность тем, что К. Маркс назвал в свое время «всеобщей частной собственностью».

Тем самым специфика отношений собственности состоит не столько в часто приписываемой России сверхвысокой доле государственной собственности (доминирование этой формы является мифом, что было показано в работах одного из авторов статьи⁶), сколько в том, что основные права собственности на ключевые ресурсы (сырье, финансы) контролируются крупным капиталом, подчиненным, в конечном счете, государственной бюрократии. При этом формы собственности часто неадекватны их экономическому содержанию.

Такая система отношений рынка и собственности генерирует патерналистски ориентированный и неорганизованный наемный труд (профсоюзы в России не осуществляют активную защиту интересов работников), высокое (в 2 раза выше, чем в Западной Европе) социальное неравенство и преимущественно экстенсивный тип воспроизводства. Эти отношения и образуют фундамент экономической системы, сложившейся на протяжении последних десятилетий в России.

Данная система до недавнего времени была включена в мировое хозяйство как страна, занимающая положение полупериферии⁷. С одной стороны, ей присущи черты экономик «ядра» –

⁴ См., например, Бузгалин, Колганов, 2019; Хубиев, 2015; Теняков, 2017а, б).

⁵ Такой вывод был сформулирован много лет назад в работах авторов настоящей статьи и их коллег, однако он не только не устарел, но и стал сегодня еще более актуальным.

⁶ См. Хубиев, 2016.

⁷ Данная категория подробно раскрывается в теории мир-системного анализа Э. Валлерстайна (Wallerstein, 1974–1989).

действует ряд высокотехнологичных сфер (космос, ядерная энергетика, ОПК и пр.), по-прежнему высок человеческий потенциал. С другой стороны, для нее характерны черты периферии – преимущественно сырьевой экспорт, импорт технологического оборудования и средств производства, высокий уровень социального неравенства и др.

Такое положение явилось неизбежным следствием охарактеризованной выше системы отношений, но в изменившихся геополитэкономических реалиях дальнейшее развитие России в качестве полупериферии мирового капитализма по меньшей мере затруднено, если не невозможно. Однако без изменения сложившейся и охарактеризованной выше хозяйственной системы преодоление положения полупериферийной экономики невозможно.

Причины формирования именно такой системы, на наш взгляд, имеют исторический характер и связаны в первую очередь с той моделью экономической трансформации, которая начала реализовываться в России в 90-е годы XX века, сохраняясь еще долгие годы. Однако немалое значение имеют и более глубокие исторические корни.

Эффект «неправильно застегнутой первой пуговицы»: историко-генетические предпосылки генезиса российской модели позднего капитализма

Характерный для политико-экономической и эволюционной экономической теории исторический подход позволяет понять *генетические основы возникновения и воспроизводства именно такой системы отношений*.

Во-первых, это историческая инерционность институциональной системы феодализма, господствовавшего в России на протяжении столетий.

Во-вторых, неизбежное сохранение технологического (высококонтцентрированное и высокоспециализированное производство с доминированием ВПК и сырьевых отраслей), структурного (в том числе в пространственном аспекте), административно-управленческого (бюрократизированный аппарат управления) и социокультурного (ориентация значительной части населения на патерналистское государство и др.) наследия СССР.

Но главным, в-третьих, оказался эффект *«неправильно застегнутой первой пуговицы»*: политическая победа в начале 1990-х годов сторонников радикальной рыночно-капиталистической трансформации привела к реализации не теоретически предусмотренного ими, а реального для названных выше специфических условий постсоветской России результата применения неолиберальной модели.

Так, теоретическая модель предусматривала достаточно быстрое (в течение 1–2 лет) формирование конкурентного рынка с гарантированными правами собственности, защищенными контрактами, доминированием малого и среднего бизнеса, эффективными частными собственниками, активно инвестирующими в инновации, а также с определенным уровнем социальной защиты граждан. Такая система была призвана обеспечить не просто рост, а интенсивное развитие, позволяющее обеспечить формирование массового (составляющего до 2/3 общества) среднего класса, качество жизни которого могло бы быть соразмерно западноевропейскому уровню.

Однако в приложении к реалиям России такая модель *на первом этапе* (конец XX века) закономерно обернулась распадом старых институтов при низком качестве новых. Это привело к активному развитию отношений формального (государственного) и неформального («бизнес по понятиям») волевого давления на экономику, ускоренной концентрации объектов и прав собственности в руках узкого круга олигархов, а также к скачкообразному (в 3 раза за первые 5 лет) росту социального неравенства.

Важной компонентой складывавшейся в то время системы стала слабая (относительно стран «центра») спецификация и защищенность прав собственности. А «генетической основой» этого феномена выступила специфика российской приватизации, результатом которой стало, с одной стороны, доминирование института наделенной собственности, который, как показал в своих работах Richard H. Thaler⁸, неэффективен с точки зрения долгосрочного макроэкономического развития, а с другой – определяющая роль бюрократии.

Следствием такой радикальной трансформации экономико-политических отношений и институтов закономерно стал спад производства и инвестиций, а также снижение качества жизни большей части населения (цифры хорошо известны, но мы их обозначим ниже).

⁸ См. Белянин, 2018.

На втором и третьем этапах (восстановительный рост нулевых годов, кризис и последовавшая за ним стагнация в 2010-х гг.) эта модель, опять же закономерно (в силу перечисленных выше особенностей генезиса постсоветского капитализма), трансформировалась в систему, где, с одной стороны, права собственности, контракты, свобода и жизнь предпринимателей обеспечиваются решениями государственных органов и лиц, ими руководящих; с другой стороны, до последнего времени в России проводилась неолиберальная социальная и денежная политика.

Такая система обладает кратковременной устойчивостью, может обеспечивать в условиях благоприятной внешней конъюнктуры экстенсивный рост, а при неблагоприятной – стагнацию. Но в условиях радикального изменения геополитэкономической ситуации эта система не способна обеспечить интенсивное воспроизводство, развитие, направленное на реализацию общенародных приоритетов.

«Лебедь, рак и щука»: стагнация и диспропорции как результат воспроизводства прежней модели экономики

Результатом перечисленных выше обстоятельств для экономики России стала так называемая «институциональная ловушка»⁹, в которой страна находится уже не первое десятилетие: низкое качество институтов тормозит экономический рост и препятствует переходу на траекторию развития, а стагнация, в свою очередь, воспроизводит низкое качество институтов. Эту ситуацию можно образно охарактеризовать как (используем образ известной русской басни) феномен «лебедя, рака и щуки»¹⁰. В качестве «лебедя» выступают созданные в последние годы, но все еще слабые, разрозненные и малоэффективные институты развития¹¹, как бы нацеленные на прорывное технологическое и социально-экономическое развитие. Их инициативы ограничиваются монетарной политикой, которая имеет противоположную направленность («рак пятится назад»). А крупный бизнес «улавливает» потоки доходов и переправляет их за границу («щука тянет в воду»).

Проиллюстрируем сказанное кратким обзором статистических данных.

На рис. 1 представлена динамика реального ВВП России за период 1991–2021 гг., в которой можно выделить три этапа: этап трансформационного спада (1991–1998), этап восстановительного роста (1999–2008), этап «новой нормальности» (2009–2021) – колебательная динамика с кризисными падениями (2009, 2015, 2020). При этом, по нашим расчетам, в целом за весь указанный период среднегодовой темп прироста реального ВВП составил всего лишь 0,8%, а уровень реального ВВП в 2021 году превысил уровень реального ВВП 1990 г. всего лишь на 28–30%.

В последнее десятилетие ситуация мало изменилась: эксперты дают оценки 1–2%¹². На фоне пандемии COVID-19 этот тренд усилился. 2021 год посулил надежды на рост более 4% в год, однако ситуация кардинально изменилась весной 2022 года, и сейчас прежние оценки малозначимы. Впрочем, дело даже не в цифрах как таковых, важнее другое.

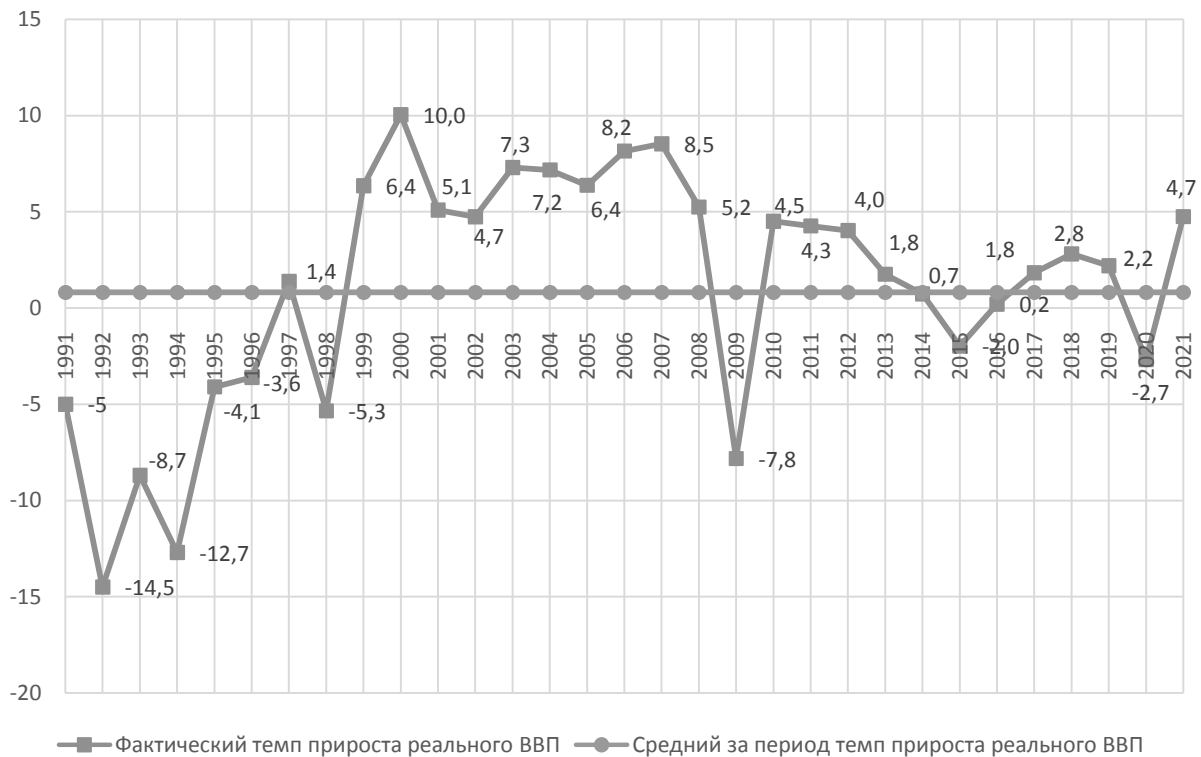
Во-первых, даже если говорить только о росте, а не о развитии, то нелишне напомнить, что в последние десятилетия нарастало отставание России от среднемировой траектории. На рис. 2 показана динамика реального ВВП России (в % к уровню 1992 года) в сравнении с динамикой мирового реального ВВП, также рассчитанной к соответствующему уровню 1992 года. Как следует из анализа данных рис. 2, в 1990-е годы отставание резко возросло, в 2000-х российская экономика постепенно догоняла мировую траекторию, но в последнее десятилетие снова увеличивается отставание. Если в 2020 году реальный ВВП России превысил показатель 1992 года на 50% (необходимо отметить, что в 1992 году в России уже наблюдался сильный трансформационный спад; а выбор данного года в сравнениях обусловлен исключительно доступными данными МВФ), то реальный мировой ВВП в 2020 году превысил соответствующий показатель 1992 года более чем в 2,5 раза.

⁹ См. Полтерович, 1999.

¹⁰ «...Лебедь рвется в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду. Кто виноват из них, кто прав – судить не нам; Да только воз и ныне там» Басня И.Л. Крылова (1769–1844).

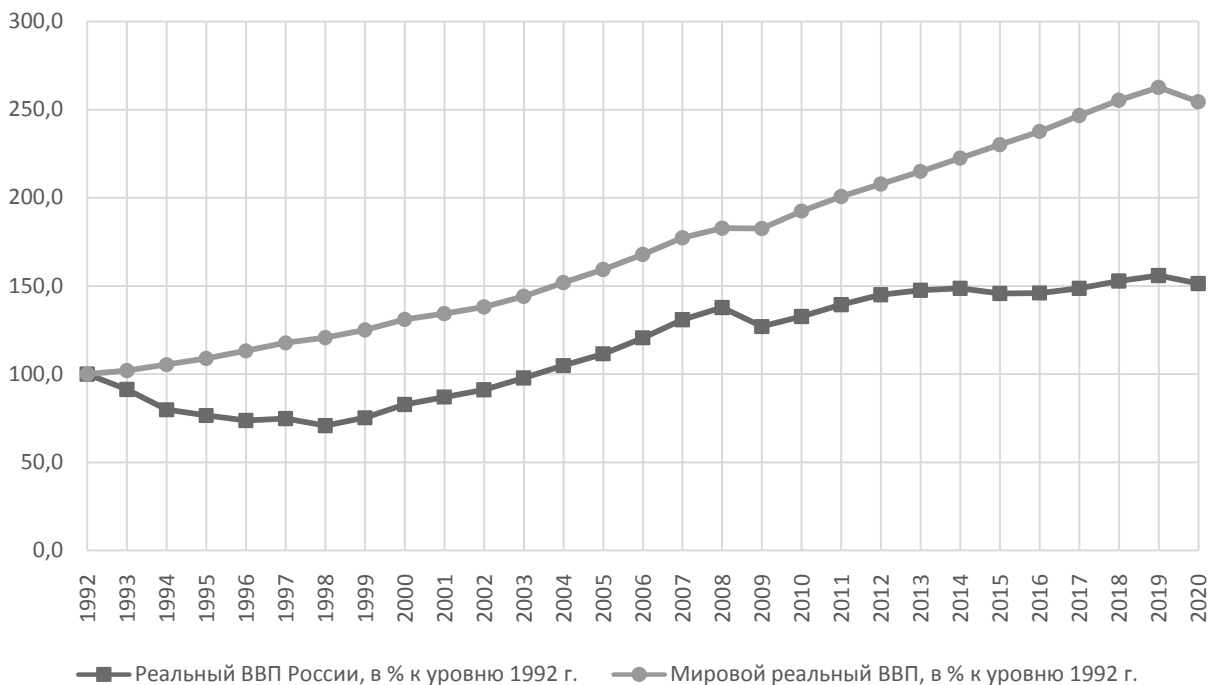
¹¹ Современную информацию о некоторых итогах их деятельности см. далее.

¹² По расчетам Д.Б. Эпштейна прирост ВВП, по данным Росстата, составляет с 1991 по 2018 год 19,3%, т.е. 0,63% в год в среднем (с учетом сложных процентов). Объем промышленного производства в России составил в 2018 году лишь 94,2% от уровня 1990 года. См. (Эпштейн, 2020; Аганбегян, 2017). За последующие 2019–2021 гг. средний темп прироста ВВП составлял 1,2%.

Рис. 1. Динамика реального ВВП в постсоветской России: фактический и средний темпы прироста

Источник: Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_God_s_1995.xls, расчеты авторов

Рис. 2. Мировая и российская экономическая динамика: 1992–2020 гг.¹³

Источник: IMF World Economic Outlook Database: October 2021. <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending>, расчеты авторов

¹³ Рассчитано авторами по: IMF World Economic Outlook Database: October 2021. Официальный сайт: <https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort=%40imfdate%20descending>

Для перелома этой тенденции и решения задач развития России как самостоятельного суверенного государства в условиях обострения геополитэкономических противоречий необходимы темпы роста, близкие к 10% и более (именно с такими темпами Китай догонял и догнал мировых лидеров). Для такого роста необходимо удвоение доли накопления, что, в свою очередь, *требует изменений не только в экономической политике, но и в системе производственных отношений, а также в оформляющей ее институциональной системе.*

Данный тезис требует специального доказательства, однако в этой статье мы ограничимся лишь указанием на то, что в истории мировой экономики темпы роста, близкие к 10 и более процентам, достигались лишь в условиях глубоких реформаторских изменений в содержании экономических отношений.

Здесь достаточно вспомнить опыт послевоенной Западной Европы (переход к социальному рыночному хозяйству и индикативному планированию) и Японии (активная промышленная политика, пожизненный найм), Китая после реформ Дэн Сяопина и др.

Во-вторых, существо проблемы не сводится лишь к темпам роста ВВП. В многочисленных работах экономистов последних десятилетий¹⁴ отмечено, что использование в качестве показателя результатов развития, а также постановка в качестве стратегической цели развития показателя ВВП как минимум недостаточна, а говоря точнее – стратегически ошибочна.

Проблема состоит в том, чтобы обеспечить соответствующие структурные изменения и *перейти на траекторию устойчивого, экосоциокультурно ориентированного развития, обеспечивающего превращение России в страну, которая в ключевых сферах (высокотехнологичное материальное производство, наука, образование, здравоохранение) не только не зависит от стран «ядра», но от которой в данных сферах зависят другие экономики.*

Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Прежде всего, следует сказать о структуре российской экономики.

В табл. 1 представлена динамика промышленного производства в России (в сопоставимых ценах, % к уровню 1992 года).

Таблица 1

Динамика промышленного производства по отраслям в России, в сопоставимых ценах, % к соответствующему уровню 1992 г.

Показатель	1998	2008	2016	2017	2018	2019	2020
Промышленное производство, всего	57,3	101,7	105,5	109,5	113,3	117,2	114,7
– добыча полезных ископаемых	76,2	119,7	130,9	133,4	138,5	143,2	133,3
– обрабатывающие производства	49,8	101,4	104,9	110,9	114,9	119,0	119,7
– производство и распределение электроэнергии, газа и воды	78,5	93,4	91,7	92,1	94,1	93,3	91,1

Источник: Росстат. <http://www.gks.ru>, расчеты авторов

По данным Росстата и расчетам авторов, промышленное производство в целом за период 1999–2016 г. превысило уровень 1992 года всего на 5,5%, при этом добыча полезных ископаемых – на 31%, обрабатывающие производства – на 4,9%, а производство и распределение электроэнергии, газа и воды сократилось на 8,3%.

В экспорте по-прежнему доминирует сырье и продукты его неглубокой переработки, в импорте – машины и оборудование (см. Приложение 1).

Активное развитие высокотехнологичного производства наблюдается преимущественно в сфере ОПК, а его доля в гражданских отраслях остается незначительной. Приоритетное развитие на протяжении последних десятилетий получили сферы посредничества и перераспределения ресурсов (см. Приложение 2). Так, совокупная деятельность по разделам G, K, L (торговля, финансы, недвижимость и страхование) формировала в последнее десятилетие около 27–32% валовой добавленной стоимости (ВДС).

В целом уже около 20 лет в России не отмечается заметный рост инновационной активности. И хотя число организаций, осуществляющих технологические инновации, выросло по сравнению с 2000 годом, доля соответствующих товаров в общем объеме и затрат на них практические не растет (табл. 2).

¹⁴ См., например, Глазьев, 2010; Бодрунов, 2021.

Таблица 2

Отдельные показатели инновационной активности предприятий, %

	2000	2010	2018	2019	2020
Уровень инновационной активности организаций	8,8	9,5	12,8	9,1	10,8
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций	8,8	7,9	19,8	21,6	23
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	10,4	4,8	6,5	5,3	5,7
Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг	4,2	1,6	2,1	2,1	2,3

Источник: Росстат. Статистический ежегодник России за соответствующие годы

Деятельность созданных в 2011 году институтов развития (Роснано, Сколково, Российская венчурная компания, Корпорации развития Дальнего Востока и др.) оказалась убыточной. По данным Счетной палаты, из выделенных им двух трлн рублей «лишь малая их часть пошла непосредственно на развитие инноваций», при этом «отсутствуют единые приоритеты госполитики в отношении институтов развития, исходя из их отраслевой принадлежности, форм господдержки и стадии инновационного цикла»¹⁵. В соответствии с Глобальным инновационным индексом, рассчитываемым Всемирной организацией интеллектуальной собственности, в 2016 году Россия была на 43-м месте, между Турцией и Чили, а в 2021 году оказалась на 45-м, между Вьетнамом и Индией¹⁶.

Не растет, а в определенные периоды даже снижается уровень реальных доходов населения. По данным Росстата, реальные располагаемые доходы населения снижались в 2014–2017 и 2020 гг. Уровень смертности остается более высоким, чем в РСФСР более 30 лет назад, о чем свидетельствуют еще доковидные цифры¹⁷. Очень высок (в 2-3 раза выше, чем в странах «центра») уровень социального неравенства. Например, доля денежного дохода, приходящаяся на 1% лиц с наивысшими доходами, в России составляет около 20,2%¹⁸, в то время как в европейских странах, Японии и Китае значение данного показателя существенно ниже: в Германии – 12,5%, Швеции – 9%, Японии – 10,4%, Китае – 13,9%¹⁹. Также велико неравенство в развитии регионов практически по всем показателям – от доли современных производств до качества и продолжительности жизни населения.

Отдельные позитивные результаты (более быстрый, чем в промышленности, и более устойчивый рост аграрного производства с начала 2000-х годов, создание современных вооружений и др.) сами по себе недостаточно показательны²⁰, так как эти результаты достигнуты там, где развиваются иные, нежели в остальных сферах экономики производственные отношения, в частности, проводится активное среднесрочное государственное регулирование, осуществляется концентрация крупных инвестиций, в том числе – общественных и др. (подробнее об этом см. Приложение 3).

Все эти проблемы хорошо известны, однако если они понимаются в качестве *системных противоречий существующей экономической модели*, то они являются подтверждением сделанного выше вывода: стратегической задачей России уже давно (а в современных условиях – в особенности) является *качественное изменение отраслевой и региональной структуры экономики*. Господствующая в РФ и предельно кратко охарактеризованная выше система отношений олигархически-бюрократического

¹⁵ См. Кузнецов Е. (2022). Надотехнологии: Счетная палата заявила об убыточности институтов развития. *Известия*, 2 апреля. <https://iz.ru/1312038/evgenii-kuznetcov/nadotekhnologii-schetnaia-palata-zaiavila-ob-ubytochnosti-institutov-razvitiia> (дата доступа: 02.04.2022)

¹⁶ См. The Global Innovation Index (2016). World Intellectual Property Organization. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2016.pdf; The Global Innovation Index (2021). Resume. World Intellectual Property Organization. https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2021_exec.pdf

¹⁷ Рождаемость в РСФСР в 1990 году на 1000 чел. населения составляла 13,4 чел., а в 2019-м – 10,1 чел., смертность в РФ в 1990 году составляла 11,2 чел, а в 2019 году – 14,6 чел. См. Госкомстат России (1998). Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. М., с. 85; Роскомстат (2021). Российский статистический ежегодник. М., с. 101.

¹⁸ См. Human Development Reports. <http://hdr.undp.org/en/indicators/186106> (accessed: 26 June 2021).

¹⁹ Там же.

²⁰ В XXI веке показателем развития является качество жизни, прогресс высоких технологий, решение экологических проблем и прочие качественные результаты.

капитализма, обремененного к тому же позднефеодальными пережитками, эту задачу, равно как и задачи радикального повышения доли и качества инвестиций, качества жизни и т.п., решить не может.

Следует ли повторно «неправильно застегивать первую пуговицу»?

Тридцатилетие начала «реформ» в России, ставших на самом деле периодом *радикального слома* советской системы экономических отношений и институтов (бюрократически-деформированная система директивного планирования и государственно-бюрократическая форма общенародного присвоения²¹), вызвало активные дискуссии по вопросу об их итогах, которые напрямую связаны с рекомендациями по выработке стратегии будущего развития российской экономики.

Подобные споры в новых условиях кажутся как будто бы ушедшими в историю, однако авторы считают, что они по-прежнему актуальны: сохраняется угроза, что в России в очередной раз будет «неправильно застегнута первая пуговица», что проблемы вновь будут решаться преимущественно методами монетарной политики (высокая ставка ЦБ, таргетирование инфляции и пр.).

Коротко остановимся на сути этой дискуссии. Позитивно оценивающие итоги «рыночных реформ» авторы²² выделяют ряд достижений, среди которых (1) создание рыночных институтов; (2) тысячи частных предприятий; (3) рост средних доходов населения на 20% и (4) избавление общества от дефицита. Подспудно присутствует и еще один тезис, который обычно не формулируется в публикациях, однако на самом деле является едва ли не главным – Россия введена в «точку невозврата». В переводе на язык политической экономии это звучит так: возвращение к системе производственных отношений, близких к советской, невозможно.

Оставим последний тезис (безусловно, авторы настоящей статьи не предлагают возврат в СССР, хотя и считают, что необходимо критическое осмысление его достижений сообразно условиям XXI века²³) и посмотрим внимательнее на первые четыре. Первый и второй, во-первых, говорят не о результатах, а о средствах достижения результатов. Результатом должны стать, подчеркнем это особо, развитие высоких технологий, решение экологических, социальных, гуманитарных проблем и, главное, существенное повышение качества жизни, что создаст основы безопасности и суверенитета страны. По всем этим параметрам 30 лет экономической эволюции постсоветской России не дали сколько-нибудь значимых результатов, что многократно доказывалось в многочисленных работах²⁴. Недавно А.В. Бузгалиным и тремя соавторами настоящей статьи был опубликован собственный анализ этих результатов²⁵, проведенный на базе широкого спектра статистических данных, отдельные из которых были кратко упомянуты в предшествующих разделах.

Особого комментария заслуживают два параметра, упоминаемые в качестве реальных результатов реформ: рост уровня жизни на 20% по сравнению с советским периодом и ликвидация дефицита. Первый результат, на наш взгляд, не выдерживает критики как минимум по двум причинам.

Во-первых, увеличение по официальным данным с 5 до 15,5 раза разрыва между 10% самых бедных и 10% самых богатых россиян (коэффициента фондов), равно как и рост коэффициента Джини почти в 2 раза²⁶, указывают на то, что у большинства россиян за 30 лет реальные доходы не увеличились. Между тем даже в плановой экономике за 30 послевоенных лет (с конца 1940-х, когда закончилось в основном восстановление после Великой Отечественной войны, до конца 1970-х) произошли глубокие изменения не только в величине доходов (они выросли на 298%), но и в качестве жизни. Большинство граждан получило отдельные квартиры, а средняя продолжи-

²¹ См. Бузгалин, 2000

²² «Кудрин назвал уровень жизни в России на 20% выше, чем при СССР». <https://news.mail.ru/economics/49583086/> (дата обращения: 14.01.2022). Аналогичные положения были озвучены и на Гайдаровском форуме 13.01.2022 на сессии «30 лет российскому рынку». <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2500/> (дата обращения: 27.03.2022)

²³ Отметим особую позицию А.В. Бузгалина, предлагающего в качестве «программы-максимум» продвижение к новой, адекватной объективным трендам 21 века модели социализма. В данном тексте, однако, все авторы солидарно предлагают «программу-минимум» – систему глубоких реформ в рамках рыночно-капиталистической системы.

²⁴ См., например, Epstein, 2021; Колганов, 2016; Kolganov, 2021.

²⁵ См. Бузгалин и др., 2021.

²⁶ В 1992 году, по данным Росстата, индекс Джини составлял 0,289, а в 2007 году он увеличился до 0,422. Это максимальное значение за весь период наблюдений, представленный в данных Росстата. Восстановительный рост в России в 2000-е гг., таким образом, сопровождался усилением неравенства в распределении доходов. В период стагнации 2010-х гг. неравенство распределения доходов, оцениваемое по индексу Джини, менялось неустойчиво с некоторой тенденцией к снижению. Так, по данным 2019 года, значение индекса Джини составило 0,411 (Бузгалин и др., 2021).

тельность жизни выросла с 47 до 69 лет. И это при том, что экономика СССР (и РСФСР в ее составе) была, действительно, обременена глубокими деформациями, отчуждавшими государство от общества и порождавшими, в частности, такую фундаментальную проблему, как дефицит, причем не только в сфере потребительских товаров и услуг, но и в сфере производства средств производства.

Последняя тема заслуживает специального комментария: дефицит как черта советской системы – это один из главных аргументов неолиберальных экономистов. Контраргументы оппонентов в этой сфере менее убедительны, чем в остальных, но они есть. Дефицит большинства товаров и услуг в РФ в 1990-е годы был преодолен не столько за счет увеличения производства товаров и услуг, сколько за счет обеднения населения и введения механизма свободных цен.

Последний фактор на фоне увеличения степени неравенства доходов отрезал значительную часть потребителей от возможностей приобретать высококачественные товары. Однако указанное обстоятельство не является аргументом для перехода к экономике дефицита. Это основание для перехода на первом этапе к *социально-регулируемой рыночной экономике*, позволяющей сделать высококачественные товары доступными для большинства населения. Также это импульс для поиска будущей модели новых, небюрократических форм планирования²⁷.

Обострение геополитэкономических противоречий, на первый взгляд, делает эту полемику неактуальной, но, как уже было отмечено выше, стратегия развития российской экономики в новых условиях еще только вырабатывается, и необходимо помнить о проблемах недавнего прошлого.

Это тем более важно, что характерный для периода неолиберализма теоретико-методологический постмодерн с его отказом от «больших нарративов» и императивами деконструкции, детерриализации и т.п. позиционируется как устаревший не только в нашей стране. Сегодня перед нашей страной (и всем миром) стоит задача (именно задача!), решение которой еще не найдено, но направление поиска обозначено: приоритет социальных и гуманитарных целей (включая решение экологических проблем, снижение неравенства и т.п.), дополнение рынка системой долгосрочных программ, а целей максимизации прибыли – целями развития, включающими прогресс человеческих качеств, усиление социальной ответственности бизнеса и др.

В новых условиях у России появляется шанс стать одним из лидеров освоения альтернативных (как неолиберальной, так и консервативной) траекторий прогресса, двигаясь по пути реализации социальных, гуманитарных, экологических приоритетов, безопасности и мира.

Авторы этой статьи не строят иллюзий – реальная мера экосоциогуманитарных ограничений как регуляторов рынка, так и капитала, в ближайшей перспективе вряд ли будет достаточно велика. Но после полувекового периода десоциализации вновь возникает императив поворота в прогрессивном направлении (человечество идет по пути прогресса пока что галсами, как парусный корабль; океанские лайнеры интернационального социального творчества пока еще не созданы). У России появляется шанс стать одной из стран, активно и последовательно реализующих этот не новый, но активно обновляемый и уточняемый курс. Его основные реперные точки давно известны, и ниже мы лишь кратко напомним о тех из них, которые затрагивают экономическую сферу и также могут быть реализованы в стране.

Стратегия опережающего развития – 2022

В данном тексте авторы не предлагают радикальных изменений рыночно-капиталистической системы. Речь идет о стратегии глубоких экосоциокультурно ориентированных *реформ*, направленных на системную трансформацию социально-экономических отношений, а не просто об определенных коррекциях в экономической политике. Ориентация реформ на трансформацию именно производственных отношений, причем не отдельных из них, а всей системы таких отношений, специфична именно для политико-экономического подхода. Последний предполагает изменение не только отдельных элементов системы, но реформирование ее системного качества, а именно – переход от олигархически-бюрократической модели полупериферийной капиталистической экономики к системе отношений, позволяющих вырваться из круга стран полпериферии, став одним из лидеров экосоциогуманитарно ориентированного развития.

²⁷ Последний, третий контраргумент остается все еще теоретической гипотезой, хотя и достаточно глубоко теоретически проработанной, но «крат истории роет»: космические корабли столетие назад тоже были не более чем фантастической теоретической конструкцией.

Модель этого реформирования была определена более 20 лет назад как «Стратегия опережающего развития»²⁸.

Подчеркнем: в академической среде сложился едва ли консенсус широкого круга ученых, разделяющих эту позицию и систематически излагающих ее, хотя в разной форме и с разными акцентами²⁹. Основываясь на этих разработках, мы в данной статье ограничимся лишь указанием на основные блоки системы реформ, направленных на разрешение противоречий системообразующих отношений российской экономики.

Выделим основные средства реализации названных выше стратегических целей.

Во-первых, *трансформация сложившейся к настоящему времени системы отношений рынка* (на котором господствуют крупнейшие частные и государственные корпорации, манипулирующие остальными акторами) *и государственного регулирования* (с характерным для него «ручным управлением», коррупцией и т.п.). Эта трансформация предполагает, с одной стороны, очищение экономической системы от феодально-бюрократических пережитков, в частности, внеэкономического давления на работника и бизнес, теневого государственного регулирования и др. С другой стороны, эта система развивается в направлении усиления общественного, социально ориентированного регулирования экономики. Формируются новые отношения стратегического планирования, предполагающие:

(1) законодательное закрепление целей стратегического плана с соответствующей ответственностью государственных лиц за их реализацию;

(2) создание институтов, определяющих «правила игры» в сфере селективного регулирования частного сектора (активной промышленной политики), обеспечивающих ориентацию этого сектора экономики на реализацию стратегических целей;

(3) формирование системы обязательных заданий предприятиям государственного сектора;

(4) определение плана государственных инвестиций и государственных закупок;

(5) создание системы государственного регулирования ценообразования, дополняющей и корректирующей механизмы рынка;

(6) наделение одного из государственных органов функциями разработки плана и ответственностью за его реализацию (возможно – создание специального органа).

Это лишь предельно краткая характеристика переходных экономических отношений от рынка к плану, позволяющих преодолеть противоречия в этой сфере, являющиеся исходным пунктом и всеобщей формой функционирования существующей в настоящее время в России системы отношений.

Во-вторых, реформирование рынка и системы регулирования предполагает изменение основного отношения российской экономики – *трансформацию отношений и прав собственности*. Так же как в ходе постсоветских реформ вслед за либерализацией шла приватизация, в нашем случае вслед за развитием отношений регулирования идет социализация собственности. Здесь задачи также «двусторонни». С одной стороны, права собственности должны быть прозрачны и защищены. Однако и в этом пункте у авторов статьи есть существенное отличие от их оппонентов. Так, мы полагаем необходимым:

- защиту не только частной, но и общественной собственности (в том числе от приватизации);
- транспарентность любого бизнеса, включая частный;
- повышение меры социальной ответственности бизнеса;
- закрепление прав работников предприятий на участие в собственности, в управлении и контроле, на создание независимых свободных профсоюзов и т.п.

Все эти меры обусловят необходимость серьезной трансформации как частных, так и государственных корпораций.

Другая сторона реформирования уже не только прав, но и социально-экономических отношений собственности – это развитие демократического содержания государственной и иных форм общественной собственности и расширение пространства последней.

Подчеркнем: речь идет не о национализации, а о реальном присвоении гражданами страны общественных благ (к коим относятся природные ресурсы, образование, здравоохранение, культура); не только о защите, но и о сужении пространства частной интеллектуальной собственности (по крайней мере в общественном секторе) и многом другом.

²⁸ См. Бузгалин, Колганов, 2019.

²⁹ См., например, Аганбегян, 2017; 2019; 2021; Глазьев, 2010.

В-третьих, речь идет об *изменении на этой основе, с одной стороны, системы трудовых отношений и отношений занятости, а с другой – изменении распределения ресурсов развития и, в частности, дохода*. Так же как в случае с либерализацией и приватизацией, которые закономерно обусловили трансформацию отношений в сфере труда и распределения (отказ от гарантированной занятости и возникновение отношений безработицы, резкий рост социального неравенства и др.), в случае социально ориентированных реформ формируются отношения, обеспечивающие дополнение рыночных механизмов отношениями общественного регулирования занятости, предполагающими, в частности, плановое снижение доли ручного и малоквалифицированного труда, повышение доли как квалифицированных, так и креативных работников. Последнее станет основанием для прогресса не только хорошо оплачиваемого, но и содержательного труда – главной сферы человеческого развития.

Продолжением этого процесса станет трансформация системы отношений распределения и перераспределения общественных и частных доходов, направленная на стимулирование содержательного, творческого труда, причем приоритетно – в ключевых сферах экосоциогуманитарно ориентированного развития. Сохраняя в целом систему отношений распределения, характерную для позднего капитализма (доходы от прибыли и ее производные; рента, в том числе природная и интеллектуальная; доходы от продажи рабочей силы; доходы от реализации человеческого капитала; социальные трансферты), реформы могут внести в нее коррективы. С одной стороны, система налогообложения в этом случае ориентируется на стимулирование получения доходов от труда и от вложений капитала в сферы, реализующие стратегические цели развития страны. С другой стороны, предполагается повышенное налогообложение рентных и иных доходов, получаемых от деятельности, не направленной на решение стратегических задач.

Необходимым дополнением этой системы становятся реальная общедоступность и бесплатность для пользователя образования, здравоохранения, культуры, что станет важным условием создания реально равных (экономически) условий реализации человеческого потенциала в труде и предпринимательстве для большинства членов общества.

Завершит эту систему прогрессивный налог на доходы и ряд других мер по снижению социального неравенства.

Главным результатом этих преобразований (их горизонт – два десятилетия с первыми крупными результатами, возможно, не раньше, чем через 5–10 лет) станут ускоренное развитие ключевых сфер общественного производства, обеспечивающих прогресс высоких технологий, содержательности и творческой компоненты труда, базовых доходов работников; глубокая структурная перестройка производства и, соответственно, структуры занятости, обеспечивающие экологические и социокультурные приоритеты.

В данном тексте мы оставляем в стороне реформы в кредитно-денежной сфере и ряд других проблем, достаточно подробно рассмотренные другими экономистами.

Существенно, что названные меры носят системный характер, так как предполагают целостное реформирование всех базовых производственных отношений, обуславливающих существующую стагнацию экономики РФ, и направлены на изменение системного качества последней. Обратную связь, без которой невозможно развитие системных изменений, в данном случае может дать развитие социально-политической системы, обеспечивающей активное и эффективное участие всех общественных акторов в принятии общественных решений и контроле за их исполнением.

Следует подчеркнуть, что все перечисленные меры в той или иной степени реализуются в самых разных странах мира. Планирование и активное государственное регулирование, значимый общественный сектор, прогрессивный подоходный налог и прочее присущи Китаю, скандинавским странам и странам Латинской Америки.

Особенно интересен в этом отношении опыт Китая, где на протяжении более 40 лет реализуются средне- и долгосрочные планы развития, включающие:

- стратегические цели (основные из них достигнуты), государственно-частные инвестиционные мега-проекты (создание системы скоростных железных дорог, сети современных аэропортов, автострад и т.п.);
- планомерно устанавливаемые и последовательно реализуемые институты («правила игры») в области косвенного регулирования экономики, обеспечивающие приоритет высокотехнологичных, экологически чистых социально значимых сфер экономики;

- активное и последовательное решение проблем бедности (в том числе за счет прогрессивного подоходного налога, подъема общедоступного образования и здравоохранения и др.);
- общественный контроль за частным бизнесом (несмотря на который, в Китай шли и идут значительные частные инвестиции) и др.³⁰

Безусловно, для китайской экономики характерны и глубокие противоречия, учет которых обуславливает необходимость критического использования этого опыта.

Кажущимся парадоксом при этом является использование сходных экономических форм и методов в рамках скандинавской модели позднего капитализма в Австрии и ряде других стран, политическая система и масштабы которых кардинально отличны от китайских. Но этот парадокс объясним с политико-экономической точки зрения: высокотехнологичное, экосоциокультурно ориентированное производство обуславливает необходимость развития переходных от рыночно-капиталистических к посткапиталистическим производственных отношений. Экономико-правовые и политические формы этих отношений могут быть различны, ибо они во многом обусловлены историко-пространственной, политической и культурной спецификой стран, но содержание по объективным причинам оказывается как минимум сходным.

Названная модель реформирования экономики в ее различных вариациях и с разными акцентами содержится в приведенных выше работах известных российских экономистов. Авторы лишь агрегировали и систематизировали их на основе политико-экономического подхода, исходящего из структуры экономики, точнее – из содержания системы производственных отношений.

Заключение

Кратко охарактеризованные выше реформы предусматривают сохранение частной собственности, рынка, социального неравенства и т.п. Они направлены на ресоциализацию российской экономики, но далеко не столь радикальны, как названные «реформами» радикальные преобразования 1990-х годов, приведшие к уничтожению плановой системы и ставшие исходным пунктом долговременной стагнации нашей экономики.

Предлагаемые нами преобразования, безусловно, приведут к значительному перераспределению богатства, экономико-политической власти и доходов. При этом следует ожидать, что часть представителей крупного капитала, не реализующего общественные приоритеты развития России (и в значительной степени уже покинувшая страну), понесет определенные экономические потери.

Однако в результате таких реформ изменится как социально-экономическая атмосфера внутри РФ (снизится социальное неравенство, возрастут стабильность, доверие, солидарность), так и место РФ в мировом разделении труда и роль в геополитико-экономической конфигурации мира: из полупериферийной страны с преимущественно сырьевым экспортом Россия в перспективе будет способна стать одним из лидеров развития (не роста). Последнее следует подчеркнуть, ибо именно эти проблемы сегодня (в первую очередь *стратегически*) стоят перед нашей страной.

Сказанное, очевидно, может вызвать серию возражений: авторы не предложили системы прогнозных моделей и расчетов, не раскрыли механизмы, показывающие, как именно будут реализованы названные выше шаги по трансформации социально-экономических отношений и институтов и т.п. На подобные возражения у авторов имеется ответ: данный текст, как мы подчеркнули во введении, является политико-экономическим. Как таковой он не должен и не может дать ответы на вопросы о том, что и как в конкретных деталях может быть сделано, исходя из тех или иных ресурсов, которыми обладает или не обладает в данный момент страна. Его задача – указать на противоречия и необходимый путь их разрешения, подобно тому, как идеологи рынка и частной собственности в XVIII–XIX веках указывали на необходимость уничтожения монархий, сословного неравенства, рабства и крепостничества и перехода к свободной торговле, юридическому равенству всех экономических и политических акторов, демократии и гарантиям частной собственности. Средства, потребные финансовые ресурсы и сроки реализации этих задач они не указывали.

Наш текст, однако, отличается от того, что писали политэкономы 200–300 лет назад. Во-первых, мы предлагаем не революцию, а реформы. Во-вторых, мы указываем на работы, обобщающие широкий мировой опыт и показывающие, каким образом можно формировать на практике такие отношения, как стратегическое планирование, активная промышленная политика, социализация собственности и деbüroкратизация управления, снижение социального неравенства и др. Так что ответ на вопрос, возможна ли практическая реализация данных шагов, уже есть, и его дают практики многих стран второй

³⁰ См.: Маслов, 2020.

половины XX – начала XXI века: да, возможна. В-третьих, конкретные «дорожные карты» (включающие ответ на вопросы «как» и «откуда взять деньги») для большей части из этих преобразований прописаны в перечисленных выше материалах.

Главные вопросы, которые ставит и на которые отвечает эта статья, состоят не в том, есть ли сейчас в России ресурсы для проведения данных преобразований и какие конкретно шаги в течение каких сроков необходимо сделать. Главный вопрос иной: такие реформы будут социальным прогрессом или регрессом?

Можно, конечно, вообще отказаться от «большого нарратива» социального прогресса, как это делали экономисты до сих пор, подменяя его вопросами о росте прибыли и ВВП. Но это время прошло. Мы в своей статье кратко аргументировали вывод о том, что с точки зрения прогресса технологий и, главное, повышения качества жизни большинства населения России предлагаемые нами меры станут шагом в направлении экосоциокультурно ориентированного развития и потому – в направлении прогресса.

Литература / References

- Аганбегян А.Г. (2017). Какой комплексный план до 2025 года нужен России? *Экономическая политика* 11(3), (8–22). [Aganbegyan, A. (2017). What comprehensive plan until 2025 does Russia need? *Economic Policy*, 11(3), 8–22 (in Russian).]
- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста. *Проблемы прогнозирования* (1), 3–15. [Aganbegyan, A. (2019). On urgent measures to resume socio-economic growth. *Problemy prognozirovaniya* (1), 3–15 (in Russian).]
- Аганбегян А.Г. (2021). О необходимости планирования в новой России. *Вопросы политической экономики* (2), 27–45. [Aganbegyan, A. (2021). On the need for planning in the new Russia. *Questions of political economy* (2), 27–45 (in Russian).]
- Белянин А.В. (2018). Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года). *Вопросы экономики* (1), 5–25. [Belyanin, A. (2018). Richard Thaler and behavioral economics: From the lab experiments to the practice of nudging (Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2017). *Voprosy Ekonomiki* (1), 5–25 (in Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-5-25
- Бодрунов С. (ред.) (2017). *Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее*. Сб. науч. трудов. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 606 с. [Bodrunov, S. (ed.) (2017). *The new industrial society: Origins, reality, future*. Saint-Petersburg: Witte Institute for New Industrial Development Publ., 606 p. (in Russian).]
- Бодрунов С.Д. (2021). Современная стратегия развития требует поворота к планированию. *Экономическое возрождение России* 3(69), 5–13. [Bodrunov, S. (2021). Modern development strategy requires a turn to planning. *Economic Revival of Russia* 3(69), 5–13 (in Russian).]
- Бузгалин А.В. (2000). Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма. *Вопросы экономики* (6), 102–113. [Buzgalin, A. (2000). Mutant capitalism as a product of the half-life of mutant socialism. *Voprosy Ekonomiki* (6), 102–113 (in Russian)].
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). *Глобальный капитал, Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы*. Библиотека журнала «Альтернативы», 888 с. [Buzgalin, A., Kolganov, A. (2019). *Global capital, Vol. 2. Theory. The global hegemony of capital and its limits* (in Russian).]
- Бузгалин А.В., Хубиев К.А., Теняков И.М., Заздравных А.В. (2021). Рост и/или развитие: специфика российской экономической модели. *Общество и экономика* 12, 16–44. [Buzgalin, A., Khubiev, K., Tenyakov, I., Zazdravnykh, A. (2021). Growth and/or development: specificity of the Russian economic model. *Society and economy* 12, 16–44 (in Russian).]
- Воейков М.И. (2018). Государство как предмет политэкономического изучения. *Вопросы политической экономики* 1:(35–55). [Voejkov, M. (2018). The state as a subject of political economic study. *Questions of Political Economy* 1, 35–55 (in Russian).]
- Глазьев С.Ю. (2010). *Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса*. М.: Экономика, 255 с. [Glazjev, S. (2010). *The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis*. Moscow: Ekonomika Publ. (in Russian).]
- Замараев Б., Ключевская А., Назарова А., Суханов Е. (2013). Замедление экономического роста в России. *Вопросы экономики* (8), 4–34. [Zamaraev, B., Klyucevskaya, A., Nazarova, A., Suhanov, E. (2013). Economic growth slowdown in Russia. *Voprosy Ekonomiki* (8), 4–34 (in Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2013-8-4-34

- Идрисов Г., Мау В., Божечкова А. (2017). В поисках новой модели роста. *Вопросы экономики* (12), 5–23. [Idrisov, G., Mau, V., Bozhechkova, A. (2017). Searching for a new growth model. *Voprosy Ekonomiki* (12), 5–23 (in Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2017-12-5-23
- Колганов А.И. (2016). Императивы реиндустриализации России. *Экономическое возрождение России* 4(50), 20–23. [Kolganov, A. (2016). Imperatives of reindustrialization of Russia. *Economic Revival of Russia* 4(50), 20–23 (in Russian).]
- Кудрин А., Гурвич Е. (2014). Новая модель роста для российской экономики. *Вопросы экономики* (12), 4–36. [Kudrin, A., Gurvich, E. (2014). A new growth model for the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki* (12), 4–36 (in Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2014-12-4-36
- Кульков В.М. (2019). Подступы к неомарксистскому синтезу в политической экономии. *Российский экономический журнал* (4), 118–126. [Kulkov, V. (2019). Approaches to the Neo-Marxist synthesis in political economy. *Russian Economic Journal* (4), 118–126 (in Russian).]
- Маслов А.А. (2020). *Китай 2020*. М.: ИДВРАН. [Maslov, A. (2020). *China 2020*. Moscow: The Institute of the Far East RAS (in Russian).]
- Олейник А.Н. (2001). Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма. *Вопросы экономики* (5), 4–25. [Olejnik, A. (2001). Business “by concepts”: About the institutional model of Russian capitalism. *Voprosy Ekonomiki* (5), 4–25 (in Russian).]
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы* 35(2). [Polterovich, V. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Economics and mathematical methods* 35(2) (in Russian).]
- Пороховский А.А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики. *Вопросы политической экономии* 4, 8–22. [Porohovskij, A. (2016). Political economy in the XXI century: A systematic approach to solving the problems of the modern economy. *Questions of Political Economy* 4, 8–22 (in Russian).]
- Рязанов В.Т. (2019). *Современная политическая экономия: Перспективы неомарксистского синтеза*. СПб.: Алетейя, 436 с. [Ryazanov, V. (2019). *Modern Political Economy: Prospects for Neo-Marxist Synthesis*. Saint-Petersburg: Aletejya Publ., 436 p. (in Russian).]
- Теняков И.М. (2017а). Системно-историческая типология экономического роста. *Журнал экономической теории* 4, 83–94. [Tenyakov, I. (2017a). System-historical typology of economic growth. *Russian Journal of Economic Theory* 4, 83–94 (in Russian).]
- Теняков И.М. (2017б). Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку. *Экономическое возрождение России* 1, 119–131. [Tenyakov, I. (2017b). Assessment of economic growth losses in countries that have switched to the market. *Economic Revival of Russia* 1, 119–131 (in Russian).]
- Хубиев К.А. (2015). Системный подход к потенциалу развития и фактор торможения российской экономики. *Экономическое возрождение России* 43(1), 23–30. [Khubiev, K. (2015). A systematic approach to the development potential and factors of the slowdown of the Russian economy. *Economic Revival of Russia* 43(1), 23–30 (in Russian).]
- Хубиев К.А. (2016). Актуальная роль государства в экономическом развитии. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал* 8 (4), 7–23. [Khubiev, K. (2016). The actual role of the state in economic development. *Scientific research of the Faculty of Economics. Electronic Journal of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University* 8(4), 7–23 (in Russian).]
- Эпштейн Д. (2020). Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы. *Вопросы политической экономии* 1, 82–104. [Epstein, D. (2020). Russian stagnation as a result of the influence of industrial relations on productive forces. *Questions of Political Economy* 1, 82–104 (in Russian).]
- Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А. (2013). Состоится ли новая модель экономического роста в России? *Вопросы экономики* (5), 4–39. [Yasin, Y., Akindinova, N., Yakobson, L., Yakovlev, A. (2013). Will a new model of economic growth take place in Russia? *Voprosy Ekonomiki* (5), 4–39 (in Russian).] DOI: 10.32609/0042-8736-2013-5-4-39
- Desai, R. (2013). *Geopolitical Economy – After Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press.
- Epstein, D. (2021). Post-Soviet Russia as a product of half-disintegration of the USSR: Facts and interpretation. *Critical Sociology*. DOI: 10.1177/08969205211064517
- Kolganov, A. (2021). Socialisation vs the market: The peculiarities of Russian capitalism. *Critical sociology*. DOI: 10.1177/08969205211065605
- Wallerstein, I. (1974–1989). *The Modern World-System*, Vol. I–III. Binghamton.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Экспорт и импорт России по основным товарным группам, млрд долл. США

Показатель	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт, всего	397,1	343,5	285,6	357,3	449,6	419,7	333,4
– в том числе экспорт высокотехнологичной продукции	13,8	37,8	36,0	44,5	49,3	74,7	86,7
Импорт, всего	228,9	182,9	182,4	227,9	238,5	254,6	239,6
– в том числе импорт высокотехнологичной продукции	28,6	118,1	122,2	155,6	160,3	183,4	174,3
Чистый экспорт	168,2	160,6	103,2	129,4	211,1	165,1	93,8
<i>Товарная структура экспорта, % к итогу</i>							
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	2,2	4,7	6,0	5,8	5,5	5,9	8,8
Минеральные продукты	68,5	63,8	59,2	60,5	64,9	63,3	51,3
Продукция химической промышленности, каучук	6,2	7,4	7,3	6,7	6,1	6,4	7,1
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,4	2,9	3,4	3,1	3,1	3,0	3,7
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	12,7	11,9	13,1	13,3	11,9	12,5	19,3
Машины, оборудование и транспортные средства	5,4	7,4	8,6	8,0	6,5	6,6	7,5
Справочно: доля высокотехнологичной продукции	3,5	12,8	14,5	18,1	15,4	17,6	25,7
<i>Товарная структура импорта, % к итогу</i>							
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	15,9	14,6	13,7	12,7	12,5	12,3	12,8
Минеральные продукты	2,3	2,7	1,8	2,0	2,1	2,1	1,9
Продукция химической промышленности, каучук	16,1	18,6	18,5	17,7	18,3	19,6	18,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,5	0,4	0,4	0,5	0,5	0,5	0,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,6	2,0	1,9	1,6	1,6	1,5	1,5
Текстиль, текстильные изделия и обувь	6,2	5,9	6,0	6,0	6,2	6,2	6,3
Металлы, драгоценные камни и изделия из них	7,3	6,7	6,5	7,2	7,5	7,7	7,2
Машины, оборудование и транспортные средства	44,4	44,8	47,2	48,6	47,3	46,1	47,7
Справочно: доля высокотехнологичной продукции	13,4	64,6	67,0	68,3	75,5	75,0	75,2

Источник: Росстат, расчеты авторов. <http://www.gks.ru>

Приложение 2

Структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности, в текущих ценах, % к итогу

Показатель	2011	2016	2021
А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,6	4,3	4,2
В. Добыча полезных ископаемых	9,5	9,6	12,8
С. Обрабатывающие производства	13,4	13,0	16,0
Д. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,1	2,9	2,4
Е. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0,5	0,6
Ф. Строительство	7,6	6,4	5,1
Г. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	17,5	14,7	13,0
Н. Транспортировка и хранение	5,9	7,3	6,0
І. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,9	0,9	0,8
Ј. Деятельность в области информации и связи	2,6	2,5	2,8
К. Деятельность финансовая и страховая	3,7	4,4	4,6
Л. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	11,1	10,2	10,0
М. Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,0	4,5	4,5
Н. Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	1,7	2,4	1,9
О. Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	7,0	8,0	7,0
Р. Образование	3,1	3,2	3,1
Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,0	3,2	3,3
Р. Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,7	0,9	0,9
С. Предоставление прочих видов услуг	0,4	0,6	0,6

Источник: Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VDS_God_OKVED2_s2011.xls

Приложение 3

Причины позитивных трендов в развитии аграрной сферы

К 2020 году промышленность выросла на 59,6% по отношению к ее уровню 2002 года, а сельское хозяйство – на 69,0%. По ряду видов сельскохозяйственной продукции мы видим, что натуральные показатели объемов производства в РФ действительно растут, в особенности это относится к производству зерна, мяса (прежде всего свиней и птицы), овощей, т.е. по тем видам продукции, где использовались промышленные технологии производства, в том числе импортные. Но, с другой стороны, объемы производства картофеля, льна, шерсти и особенно молока не растут и существенно отстают от показателей РСФСР 1990 года.

Рост производства названных видов продукции сельского хозяйства с начала 2000-х годов в основном связан: 1) с большей доступностью инвестиций по приемлемым ценам в силу их государственного субсидирования; 2) с большей доступностью в связи с этим для производителей более эффективных технологий, а также семян и племенных животных, в том числе зарубежных; 3) с существенно меньшей налоговой нагрузкой (нет налога на прибыль и уменьшенная ставка НДС); 4) с высокой эластичностью спроса на продукты питания по доходам; а также 5) с определенным позитивным воздействием санкций, которые освободили часть внутреннего рынка для российских производителей. Также надо учитывать, что в 90-е гг., в период общего падения экономики, в сельском хозяйстве в отличие от «городских отраслей» работники в

меньшей доле покидали место проживания и работы. Соответственно, сохранились кадры и руководители, и работников, способных на разных уровнях управления поднимать эту отрасль, как только сформировались для этого макроэкономические условия. То есть рост в сельском хозяйстве обеспечен его особенностями, а также тем, что по отношению к нему государством проводилась иная экономическая политика, существенно отличающаяся от той, что проводится по отношению к другим отраслям экономики.

Приложение 4

Основные социальные показатели развития экономики СССР после Великой Отечественной войны

Реальные доходы на душу населения по сравнению с 1940 года в СССР выросли к 1970 году в 3,98 раза, а к 1980 году – еще на 46%. При этом выплаты и льготы на душу населения из общественных фондов к 1970 году увеличились в 7,6 раза, а за следующие 10 лет – еще в 2,3 раза, составив 38,4% к средней заработной плате рабочих и служащих. Ввод в действие жилых домов составил за 1945–1970 годы 1924,6 млн кв. м, и за последующие 10 лет – еще 1072,1 млн кв. м, или 55,7% к предыдущим 25 годам. Число построенных квартир за 1951–1980 гг. составило 71,93 млн единиц. За это время средняя общая площадь квартир выросла с 39,7 кв. м до 52,3 кв. м, число лиц, улучшивших жилищные условия, составило 301,2 млн чел.³¹

Средняя продолжительность жизни с 47 лет в 1938–1939 гг. увеличилась до 67 лет в 1955–1956 гг. и 68,8 лет к 1969–1970 гг., затем снизилась до 67,6 к 1980–1981 гг. и поднялась вновь до 69 лет в 1986–1987 гг.³²

³¹ Народное хозяйство СССР. 1922–1982. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 418–420, 425–427.

³² ЦСУ СССР (1965). Численность, состав и движение населения СССР. Статистические материалы. ЦСУ СССР; Росстат (2006). Демографический ежегодник России, 2005. М., с. 120.